

Теория практик, практики и исследование стратификационных порядков

Аннотация

В статье автор приводит аргументы относительно целесообразности использования трехкомпонентной конъюнкции (“позиции & диспозиции & практики”) в многомерном анализе стратификационных порядков, согласно которой макросоциологический подход (позиции и диспозиции) сочетается с микросоциологическим (практики). Иначе говоря, структурный подход дополняется обращением к повседневным рутинным и инновационным практикам, а также перспективой культуры, поскольку практики связаны со стилем жизни и с определенными субкультурами.

Ключевые слова: *практики, стратификационный порядок, трехкомпонентная конъюнкция “позиции & диспозиции & практики”*

Доминантной в изучении стратификационных порядков является двухкомпонентная конъюнкция “позиции & диспозиции”, позволяющая выявить и объяснить специфику поведения индивидов и общностей, действующих определенным образом, поскольку являются носителями определенного габитуса (совокупности диспозиций). Однако рассмотрим аргументы насчет целесообразности использования трехкомпонентной конъюнкции “позиции & диспозиции & практики” в многомерном анализе стратификационных порядков, согласно которой макросоциологический подход (позиции и диспозиции) сочетается с микросоциологическим (практики), когда структурный подход дополняется обращением к повседневным рутинным и инновационным практикам, а также перспективой культуры, поскольку практики связаны со стилем жизни и с определенными субкультурами.

Несмотря на то, что понятие “практика” считалось легитимным в марксистской философии и ему была посвящена многочисленная литература в 60–80-х годах прошлого века, публикация в 1997 году в журнале “Социологические исследования” статьи В.Волкова о концепции практик в социальных науках стала новостью в постсоветском социологическом пространстве [Волков, 1997]. Новостью — хотя бы потому, что давала представление о многообразии школ и направлений в социогуманитарных науках, которые использовали понятие практик для описания и объяснения мира индивидов и взаимодействий между ними. Открылась богатая палитра смысловых оттенков, образующих отдельные и развитые словари, которые позволяли говорить о социальном в особой манере и с непривычной интонацией. Собственно группе Санкт-Петербургских социологов во главе с В.Волковым и О.Хархординым и принадлежит приоритет в реферировании и креативной интерпретации соответствующей зарубежной литературы и проведении релевантных теме эмпирических исследований. Уже из содержания упомянутой статьи, а еще больше после публикации монографии “Теория практик” [Волков, Хархордин, 2008] стало понятно, что речь идет не об одной концепции или теории, а о семействе и сугубо философских, и социально-философских, и социологических разработок в контексте “прагматического поворота”, на котором настаивают ученые, идентифицирующие себя с этим направлением общественной мысли; Г.Шуберт из университета Потсдама говорит даже о ренессансе прагматизма в современную эпоху, а истоки прагматизма в социологии усматривает в концепциях Ч.Кули и Дж.Мида [Schubert. 2006: p. 51]. В названной монографии в пятнадцати главах систематически представлены взгляды конкретных авторов — М.Хайдеггера, Л.Витгенштейна, М.Мосса, Н.Элиаса, Г.Райла, М.Поланьи, М.Фуко, Ж.Делеза, М. де Серто, Д.Скота, П.Бурдьё, А.Макинтайра, Л.Болтански, Л.Тевено, Б.Латура. Список, очевидно, неполный, поскольку проигнорированы наработки Э.Дюркгейма, хотя в научной литературе имеются широкие интерпретации его трактовок практик [Rawls, 2001]; вскользь упоминается Э.Гидденс; цитируется, но не анализируется концепция Т.Шатцки [Schatzki, 1996, 1997].

Но даже обращения к перечисленным авторам вполне достаточно, чтобы получить необходимую совокупность знаний о предмете, а также убедиться в том, что пребывание всех этих неоспоримых философских и социологических авторитетов под общим зонтиком “теории практик” настолько же оправданно, насколько случайно. Едва ли не единственное, что их объединяет, это понятие “практика”, тогда как все остальное разъединяет: и исходные методологические принципы, и стиль и словарь рассуждений о практиках, и теоретические выводы. Впрочем, иначе и быть не могло — самобытные мыслители и исследователи создавали разные ментальные конструкции и картины мира.

С такой констатации и начинается своя статья А.Реквиц [Reckwitz, 2002], очерчивая программу конструирования если и не окончательной, то единой теории социальных практик. Рассмотрим ее основные моменты.

Во-первых, теория практик представляет собой разновидность культуральной теории (cultural theory), которая по-особому описывает и объясняет социальный порядок. В отличие от теории рационального выбора, которая акцентирует внимание на осознанных целях действующих индивидов, и от функционализма Т.Парсонса с его ориентированной на нормы теорией

действия, культуральная теория толкует социальный порядок как укорененный в коллективных когнитивных и символических ментальных образованиях, согласно которым индивиды приписывают значения и смыслы событиям и ситуациям, а значит, и ведут себя в соответствии с ними [Reckwitz, 2002: p. 245-246]. В общем тезис о том, что прагматическая социология является преимущественно социологией культуры, не отрицается, его основания находим как в совместных работах Л.Болтански и Л.Тевено, так и в совместных трудах этих авторов с другими коллегами, что показывает в своей статье И.Силбер [Silber, 2003].

Во-вторых, А.Реквиц различает четыре версии культуральной теории, за каждой из которых стоит авторитетная философская, антропологическая, семиотическая, феноменологическая и социологическая традиция: ментализм (исследователь сосредоточивается на когнитивных структурах и актах интерпретации), текстуализм (социальное представлено системой знаков и символов, дискурсами и коммуникациями и является определенным текстом), интересубъективизм (социальное как взаимодействия индивидов), теория практик. В последней социальный порядок интерпретируется как порядок практик, а сами практики — это “рутинизированный тип поведения, состоящий из нескольких, связанных друг с другом элементов: форм телесной активности, форм ментальной активности, “вещей” и их использования, фоновое знание в форме понимания, know-how, состояния эмоций и мотивационного знания. Практики — способ готовить пищу, потреблять, работать, инвестировать, заботиться о себе или о других и т.п. — образуют, так сказать, “блок”, существование которого с необходимостью зависит от существования и специфической взаимосвязи этих элементов и который не может быть редуцирован ни к одному из этих простых элементов” [Reckwitz, 2002: p. 249–250].

В-третьих, хотя речь идет о привычных вещах (тело, ум, знание, дискурс, структура/процесс, акторы), в теории практик они получают непривычную трактовку. Так, телесная и эмоциональная активность придают миру людей упорядченность, которая делает наглядным социальный порядок. Практиками являются также разновидности ментальной активности (способы понимания и интерпретации; знание того, как что делается; способы чего-то желать и к чему-то стремиться), а также образцы пользования вещами. В теории практик нет нужды говорить об индивиде как о придерживающемся правил или выполняющем роли — он является просто точкой пересечения разнообразных рутинизированных телесных и ментальных действий [Reckwitz, 2002: p. 250–257].

В-четвертых, конструирование теории практик обязательно требует рассмотрения эффектов теории. Речь идет о том образе социального мира, который предлагает теория практик, и тех последствиях, которые вытекают из ее словаря для организации эмпирических исследований [Reckwitz, 2002: p. 257–259].

Между тем, В.Волков и О.Хархордин приписали А.Реквицу отсутствующее у него стремление — якобы теория практик пытается объяснить социальный мир [Волков, Хархордин, 2008: с. 32–33]. Сам же преподаватель Института социологии Гамбургского университета здесь крайне осторожен. Теория — это прежде всего словарь для формулирования эмпирически релевантных утверждений, а также для уточнения и изменения нашего са-

мопонимания [Reckwitz, 2002: p. 257]. Разумеется, любая теория утверждает определенную онтологию — и этот сюжет детально разрабатывает Т.Шацки, один из наиболее авторитетных специалистов в этой отрасли [Schatzki, 2003].

Онтология — это последовательные и систематические размышления над тем, что представляет собой социальное, из чего именно (из каких элементов) состоит мир людей. Обобщая наиболее общие ответы, Т.Шацки формулирует онтологию мест (site ontology), в которой каждое место является не чем иным, как практикой, а общество — сетью мест. Практики (религиозные, политические, экономические, приготовления пищи и т.п.) представляют собой сложные образования, в которых различают комплекс пониманий, адекватных действиям, коллекцию правил и “телеоаффективную структуру”, то есть нормативную, иерархически упорядоченную систему целей, проектов, задач, эмоциональных состояний [Schatzki, 2003: p. 191–192]. Итак, мир взаимодействий между людьми — это мир разнообразных практик (сугубо физических действий и сугубо ментальных конструкций), сплетенных в плотную сеть.

Знаменательно, что у адептов прагматической социологии мы почти не находим попыток разграничить понятия “практики” и “действия”. Считается достаточным указать на весьма влиятельную традицию, легитимирующую понятие действия в рамках “большой” или же макротеории, введенной М.Вебером, продолженной Т.Парсонсом и Ю.Хабермасом. Практики, напротив, относятся к микроуровню, на котором нужно учитывать не только генерализированные смыслы и значения вроде габитуса П.Бурдьё, но и ситуативные ментальные схемы и эмоциональные состояния. Однако, как только провозглашается такая принадлежность, сразу же возникает проблема соотношения макро (в виде “структуры”) и микро (в виде “практик”).

Структура традиционно считается более “сильным” концептом: она детерминирует практики, она служит ключом к их объяснению. Впрочем, как предлагает Т.Берард, взаимоотношения здесь гораздо сложнее и требуют тщательного синтеза макротеоретических суждений Э.Гидденса и П.Бурдьё с макротеоретическим опытом этнометодологии [Berard, 2005]. К тому же отнюдь не очевидно, какие именно практики детерминируются какими структурами; по крайней мере здесь нужен тщательный эмпирический анализ, подобный проделанному Ф.Кирчбергом в отношении культурного потребления (посещаемость музеев и художественных галерей) [Kirchberg, 2007]. Реальное движение к совмещению макро и микро в конкретных исследовательских проектах требует и соответствующего концептуального объяснения, как это сделал, например, Р.Коллинз в своей статье “Ситуационно обусловленная стратификация: макро-микро теория неравенства” [Collins, 2000].

Наиболее систематически практики фиксировались и описывались в исследованиях стилей жизни [Рощина, 2007; Бокок, 2002; Ganzeboom, Крааукамп, 1989; Пишняк, 2005; Глухих, 2006], то есть форм и образцов потребления вещей и оперирования ими, а относительно недавно еще и в рамках направления, которое называют “социологией вещей” и связывают с работами Б.Латура [Социология вещей, 2006]. Внимание к тематике стиля жизни в контексте исследований социальной структуры и стратификационных порядков в социологии в последние десятилетия начало неуклонно возрастать. Стиль жизни, который толкуют как совокупность устойчиво вос-

производимых образцов поведения, разного рода практик, стал предметом рассмотрения многих исследователей в их стремлении преодолеть трудности социально-структурного анализа в условиях социальных изменений; он позволяет зафиксировать взаимосвязь социального неравенства и стиля жизни, поскольку воспроизводство стратификационных порядков происходит через социальные практики как относительно стабильные формы организации повседневной жизни в рамках структуры заданной жизненной ситуации с учетом доступных ресурсов.

Иными словами, стили жизни соотносятся с делением общества на классы и страты и, фактически, представляют собой их определенную субкультуру (П.Бурдьё предпочитает термин “габитус”). Однако в последние двадцать лет более популярны трактовки стиля жизни как важной части теорий индивидуализированного общества, согласно которым в современных условиях развитых стран социальные практики в большей мере определяются волюнтаристскими склонностями индивидов, а не фактором социального неравенства. То есть речь идет об индивидуализации практик в соответствии с потребительскими вкусами, стандартами, отношением к религии, политике, здоровью, ценностными ориентациями индивида.

В отечественной социологии существуют тенденции, во-первых, отождествлять стиль жизни с определенной субкультурой социальной группы, а во-вторых, ссылаться на эту субкультуру в процессе изучения потребительского поведения. Во многом это является следствием влияния советской социологии образа жизни, чрезвычайно популярной в 1960–1980-х годах; его анализу были посвящены десятки монографий и сотни статей, в частности Шкаратана, Орловой, Яницкого, Когана, Бестужева-Лады (подр. об этом см. : [Глухих, 2007]).

Украинские исследователи Р.Ануфриева, Е.Головаха, Е.Донченко, Е.Злобина, М.Кириллова, А.Кроник, Н.Панина, В.Рыбаченко, Л.Сохань, В.Тихонович, А.Угримова, Н.Шульга в коллективной монографии “Стиль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы” [Стиль жизни личности, 1982], которую можно считать одной из первых отечественных попыток социологического осмысления исследуемой проблемы, рассматривали стиль жизни как индивидуально-личностное проявление социально-типичного, как своеобразное отражение микросреды, в которой разворачивается жизнедеятельность личности. В таком контексте реализуется деятельностный принцип понимания стиля жизни, прослеживается взаимосвязь этого понятия с категориями образа жизни, жизнедеятельности, жизненной программы, жизненного плана, концепции жизни, активной жизненной позиции личности.

По мнению Н.Паниной [Панина, 2001: с. 6], в стабильном обществе стили жизни членов общности регулирует ценностно-нормативная система как непосредственно — через ролевые экспектации касательно поведения людей с разными социальными статусами, так и опосредованно — формируя сознание (ценностные ориентации, установки, жизненные цели, то есть идеальные модели образа жизни, позволяющие подготовиться к успешному выполнению социальных ролей). В нестабильном обществе, где ценностно-нормативная система разрушается и возникает состояние аномии, стили жизни обуславливаются прежде всего особенностями индивидуального сознания. Решающую роль приобретает аффективный, когнитивный и нрав-

ственный потенциал индивидуальных особенностей сознания и поведения людей, жизнедеятельность которых осуществляется в дезорганизованном обществе. Ведь в условиях разладки обычного механизма адаптации детерминация стилей жизни происходит не путем приспособления к социальным нормам, а на основе индивидуальных ценностных предпочтений и ценностных ориентаций, собственно и являющихся почвой для кристаллизации новой ценностно-нормативной системы общества. Важной характеристикой социального статуса в условиях общественных преобразований является неопределенность. В поисках основных ценностей происходит частая смена критериев социального статуса. При фактическом отсутствии нормативной регуляции образа жизни принципиальной чертой стиля жизни оказывается неустойчивость. В свою очередь, ценностные ориентации людей в основном определяются их общим психическим состоянием, социальным самочувствием и психическим здоровьем.

Л.Бевзенко выделяет несколько значимых аспектов, которые дифференцируют различные подходы к концептуализации стиля жизни [Бевзенко, 2008: с. 10–11]. Не претендуя на завершенность предлагаемой схемы, автор рассматривает их:

- 1) по принципу фактора, детерминирующего стиль жизни, и выделяет направления и их представителей: психологическая (А.Адлер, К.Юнг и др.), социальная (М.Вебер, Г.Зиммель, П.Бурдьё) и культурная детерминация (З.Бауман, У.Бек, Э.Гидденс);
- 2) по функциональной нагрузке, которую выявляет коммуникативный срез в качестве главной функции стиля жизни в современном обществе, демонстрирующего принадлежность к определенному классу, страте через определенные символические жесты, знаки (Т.Веблен, Ж.Бодрийяр).

Автор рассматривает пространство имеющихся концептуализаций стиля жизни и дополняет теоретическими конструкциями (модель жизненного успеха, базовые культурные смыслы, социокультурный дисбаланс, практикуемые ценности и т.п.), что обеспечивает методологические основания для исследования процессов трансформации пространства и разного типа стилей жизни в кризисной ситуации.

Сегодня классификация стилей жизни — это не столько самостоятельная цель исследований, а все чаще принадлежность к той или иной “стилевой” группе, играющей в них роль объяснительного фактора. Такой подход популярен не только среди социологов, но и среди специалистов в области психологии, маркетинга, политологии. У исследователей рынка совокупность методик, по которым выявляются разные группы потребителей по поведению, предпочтениям, мотивам и т.п., получила название “психографики” [Гантер, Фернхам, 2001]. И хотя вопрос о том, насколько изучение стилей жизни и психографика совпадают, до сих пор остается дискуссионным, этот термин начинает закрепляться в социологических текстах [Пишняк, 2005].

По мнению А.Резника [Резнік, 2006: с. 190–191], в современных условиях сформировалась новая ценностно-нормативная система, приобретающая черты “потребительской” и сопровождающаяся созданием новых символических конструкций, заложивших фундамент для создания новой системы доминирования в схеме стратификации. Происходит субъективизация социальной стратификации из сферы материального производства в сферу

потребления. Вместо доступа к обладанию средствами производства предлагается доступ к потреблению. Индивидуальное самоутверждение проходит не через трудовую деятельность, а через потребление товаров, то есть налицо постепенное вытеснение иерархии классовых отношений иерархией потребительских практик. Позиция на социальной лестнице определяется типом “престижных товаров”, которые человек может купить. При таком подходе вертикальную мобильность рассматривают как процесс движения снизу вверх по ступеням престижности товаров и услуг, которые в большей мере, чем принадлежность к более высокому классу, служат указателем стратификационного продвижения. Принадлежность к более высокому классу предполагает престижное потребление, его атрибуты становятся определяющими в социальной стратификации. Автор высказывает предположение о том, что стилевые различия в будущем будут определять социальную стратификацию, и это приведет к появлению неосословного общества

В переходных обществах, к которым относится и украинское, складывается весьма специфическая ситуация. Изменение социального положения и системы ценностных ориентаций личности в новых условиях ведет к изменению поведенческой активности, в том числе и практик. В результате общественных преобразований люди оказываются в ситуации “двойной детерминации”. С одной стороны, речь идет о потребности в преодолении препятствий, связанных с разрушением привычных институциональных средств материального обеспечения нормальной жизни — такая ситуация требует конкретных поведенческих реакций, а с другой — имеется, скажем так, позитивная стимуляция, когда ситуация воспринимается в категориях возможностей, а не необходимости [Злобина, 2004: с.10]. Появление в социальном пространстве новых экономических возможностей, к примеру, ставит человека перед выбором между новым и рискованным, устойчивым и проверенным. Воспользоваться ли новыми возможностями, решает сам индивид. В соответствии с личностным выбором в обществе генерируется ряд типичных социально-экономических практик, репрезентирующих разную степень поведенческой активности, приспособления к новым условиям жизнедеятельности.

И тогда взаимосвязь практик и структуры становится почти наглядной. Т.Заславская отмечает: “...изменение типичных способов поведения ведет к трансформации соответствующих *практик*, а накопленные сдвиги в практиках, которые реализует тот или иной институт, приводят к изменению содержания этого социального института” [Заславская, 2000: с.15]. Общей формой реализации каждого института служит не что иное, как совокупность социальных практик в определенной сфере. Таким образом, институциональные изменения обусловили изменение социального поведения индивидов (в частности, трудового, предпринимательского, потребительского, миграционного, мобильностного, финансового и т.д.), результатом чего являются типичные социальные практики в конкретный момент времени. Скажем, предпринимательские практики в начале 1990-х годов существенно отличаются от практик начала XXI века, поскольку изменились социально-экономические условия развития предпринимательства, налоговая система, возможности открытия собственного дела и т.п.

Этим утверждается деление практик на обычные, традиционные и новые, инновационные. Современные практики в значительной мере зависят от освоения индивидом новых технологий, экономической активности при

решении и удовлетворении жизненно необходимых потребностей, рационального использования своего времени, активного финансового поведения и др. Поэтому можно выделить разного рода экономические (финансовые, потребительские и т.п.); символические; политические (властные); социальные; культурные; повседневные практики в качестве играющих ключевую роль в генерировании и трансляции “форм жизни”, образующих повседневный базис социального производства, а также в их описании и рефлексии, которые могут непосредственно влиять на эти практики.

Обычными практиками В. Радаев считает типичные действия людей, с одной стороны, если и не всеобщие, то довольно распространенные, поскольку в них вовлечена значительная часть населения, а с другой стороны, ставшие привычными способами действий, практикуемыми в течение жизни как минимум одного поколения. Он считает, что термин “традиционные практики” в этом случае неудачный, поскольку содержит множество различных коннотаций. В разных контекстах традиционное противопоставляется и рациональному, и современному, и (на повседневном уровне) всему, что выходит за рамки нормы. В этом смысле термин “обычные практики” более нейтральный [Радаев, 2003: с. 90]. В свою очередь, инновационные практики — это типичные действия людей, с одной стороны, не очень широко распространенные (по крайней мере на текущий момент времени), но уже весьма заметные, а с другой стороны, являющиеся новыми способами действий, которые, скажем, еще десятилетие назад существовали в ограниченных масштабах либо отсутствовали вовсе.

Для иллюстрации можно привести пример, связанный с трудоустройством. Искать работу — занятие весьма распространенное, и значительная часть населения всегда была вовлечена в подобные поиски. При этом обычно люди обращались прямо на предприятия, в организации, а еще чаще использовали связи друзей и знакомых. Поиск работы через Интернет или путем обращения к услугам частных рекрутинговых агентств — практики новые, непривычные, причем еще каких-то десять лет назад в каком бы то ни было значимом виде просто не могли существовать.

Некая совокупность действий индивидов вне рамок рабочего времени, то есть за пределами позиции в структуре занятости, представляет собой множество практик. Вся совокупность практик на основе уточнения и интерпретации основных понятий в эмпирическом исследовании сгруппирована в определенные категории. В инструментарий исследования, которое проводилось во Львове и Донецке в 2008 году¹, был заложен перечень инновационных и традиционных профессионально-трудовых, финансовых, потребительских и социокультурных повседневных практик, которыми респондент занимался в течение определенного времени.

¹ Объем выборочной совокупности для Львова составлял 1600, а для Донецка — 400 человек трудоспособного возраста. Тип выборочной совокупности для двух исследований — многоступенчатая (кластерная) выборка с квотированием на последней ступени отбора единиц наблюдения. Опрос проводился методом стандартизированного интервью по единой методике и инструментарию “Социальные практики населения города Львова/Донецка” в апреле–мае 2008 года. Выборки репрезентативные, заданные погрешности репрезентативности $\pm 2,5\%$ и $\pm 5\%$. Информация обработана с использованием пакетов прикладных программ SPSS 15.0, Statistica 8.0 и MS Excel.

Замечу, что распространенность всех разновидностей практик в двух регионах почти идентична, причем традиционные еще значительно преобладают над инновационными. Отличием, зафиксированным на эмпирическом уровне, являются более высокие показатели интенсивности как традиционных, так и инновационных практик именно для Донецкого региона. Можно говорить также о схожих преимуществах в выборе практик одинаковыми стратами Львова и Донецка: инновационные потребительские и финансовые практики присущи двум верхним стратам социальной иерархии; инновационные и традиционные профессионально-трудовые — средним стратам, тогда как нижним в основном свойственны традиционные потребительские и трудовые. Итак, эмпирически подтверждено, что верхним стратам присуще символическое потребление и финансовые практики удовлетворения потребностей высоких стандартов жизни, демонстрация стратегий достижения. Средние преимущественно работают и занимаются поисками дополнительных заработков как в регионе, так и за рубежом, адаптируются к изменениям в сфере занятости, пытаются повысить свой профессионально-квалификационный и экономический потенциал путем ряда активных трудовых практик. Нижние страты, наоборот, воспроизводят практики, направленные на удовлетворение минимальных потребительских потребностей, и для них характерны самые низкие показатели порядка интенсивности практик, среди которых преобладают именно практики выживания.

Методика измерения на основе трехкомпонентной конъюнкции, то есть трех базовых стратификационных порядков (порядок позиций, порядок диспозиций и порядок практик), была разнообразной. Были использованы разные шкалы для фиксации эмпирических показателей для каждого из порядков, полученные метрики стратификационных индексов имеют разную числовую протяженность. Разработанная методика эмпирического исследования социальной стратификации предполагает, что каждый компонент конъюнкции является сложным образованием. Позиционный порядок определяется по объективным показателям, которые были заложены в инструментарии исследования: социальное происхождение, социальная позиция по месту работы и тип деятельности, опыт работы в сфере занятости, личный среднемесячный доход, имущество и собственность, образование. Диспозиционный порядок — по субъективным оценкам и установкам респондентов: оценивался престиж как собственного социального статуса, так и типа деятельности и организации; самоидентификация с социальными группами, классами; мера удовлетворенности своим положением; сеть социальных связей как собственных, так и семейных; поведенчески-вербальный уровень культуры. Порядок интенсивности практик рассчитывался на основе всех отмеченных ответов каждого респондента, то есть всех видов занятий, которые приходилось осуществлять ему лично в течение последнего года, а в случае социокультурных практик — в течение последней недели.

Переход от традиционной доминантной конъюнкции (“позиции & диспозиции”) к трехкомпонентной (“позиции & диспозиции & практики”) позволил увидеть, что для каждой страты характерны стилизованные практики, большинство из которых индивиды реализуют в соответствии со своими позициями и диспозициями, то есть на основании социального статуса, профессионально-квалификационного образовательного уровня, доходов, се-

ти социальных связей и т.п. Совокупность практик отражает статусную субкультуру социальных страт.

Ожидалось также, что переход к трехкомпонентной конъюнкции конструирования стратификационного порядка приведет к перераспределению респондентов в сопоставлении с распределением по двухкомпонентной конъюнкции. Полученные данные дают определенное представление о масштабах и направлениях такого перераспределения (см. табл. 1).

Таблица 1

Перераспределение респондентов по стратам при переходе от двухкомпонентной конъюнкции к трехкомпонентной в 2008 году, %

Страты по конъюнкции “позиции & диспозиции”	Страты по конъюнкции “позиции & диспозиции & практики”					
	Высшая страта	Страта 2	Страта 3	Страта 4	Низшая страта	Доля страты по конъюнкции “позиции & диспозиции”
Львов						
Высшая страта	1	3	0	0	0	4
Страта 2	0	7	2	0	0	9
Страта 3	0	8	4	9	1	22
Страта 4	0	1	2	12	1	16
Страта 5	0	0	1	5	20	26
Низшая страта	0	0	0	1	22	23
<i>Доля страт по конъюнкции “позиции & диспозиции & практики”</i>	<i>1</i>	<i>19</i>	<i>8</i>	<i>27</i>	<i>45</i>	<i>100</i>
Донецк						
Высшая страта	3	2	2	0	0	7
Страта 2	0	3	8	2	0	13
Страта 3	0	2	2	1	1	6
Страта 4	0	7	3	4	0	14
Страта 5	0	1	4	13	7	25
Низшая страта	0	0	1	3	31	35
<i>Доля страт по конъюнкции “позиции & диспозиции & практики”</i>	<i>3</i>	<i>15</i>	<i>20</i>	<i>23</i>	<i>39</i>	<i>100</i>

Нетрудно убедиться, что фактор “практики” обусловил существенное переформатирование состава страт, а изменения для Львова и Донецка совпали далеко не во всем. Сокращение “размерности” стратификационного порядка с шести до пяти страт сопровождалось сокращением или возрастанием долей страт в двух городах (см. табл. 1). Доля “высшей страты” во Львове с 4% сократилась до 1%, то есть 3% респондентов из прежней “высшей страты” переместились в новую “страту 2”. В Донецке по двухкомпо-

нентной конъюнкции доля страты составляла 7%, а по трехкомпонентной — 3%, поэтому по 2% респондентов оказались в “стратах 2 и 3”.

Однако увеличилась доля “страты 2” в двух городах: во Львове с 9% до 19%, в Донецке с 13% до 15%. Рассмотрим, благодаря каким представителям это произошло. Во Львове — 3% из “высшей”, 7% из этой же, 8% из “страты 3” и 1% из “страты 4”. Для Донецка осталось 3% тех же респондентов, 2% перешли из “высшей”, 2% из “страты 3” и еще 1% из “страты 5”.

Доля “страты 3” уменьшилась с 22% до 9% во Львове, тогда как для Донецка характерна обратная тенденция — страта возросла с 6% до 20%. Причем в эту донецкую страту вошли представители почти всех страт.

“Страта 4” для Львова возросла с 16% до 27%, для Донецка — с 14% до 23%. Причем львовская на 12% состоит из предыдущей, а 9% вошли из “страты 3” и еще 5% — из “страты 5”, в Донецке же 13% вошли из “страты 5”, 4% составляют бывшие представители и 1%, как и во Львове, перешли из “нижней страты”.

“Нижняя страта” возросла как во Львове (с 23% до 45%), так и в Донецке (с 35% до 39%). Во львовскую страту 20% перешли из “страты 5”, а 22% остались в этой же страте. В случае донецкой страты 31% — представители предыдущей, 7% перешли из “страты 5”, а 1%, понизив свой статус, перешли из “страты 3”.

При трехкомпонентной конъюнкции произошло реформирование страт благодаря разной интенсивности свойственных им социальных практик. Эмпирически можно объяснить такое перераспределение респондентов по профессионально-квалификационному составу, что даст основания говорить, кто именно из них понизил или повысил свои статусные позиции в случае трехкомпонентной конъюнкции. Сделаю это на примере нижней страты. При двухкомпонентном подходе доля пенсионеров составляла в львовской страте 72%, а в донецкой — 67%, тогда как при трехкомпонентном подходе их осталось в этой страте соответственно 49% и 55%, то есть 23% во Львове и 12% в Донецке переместились благодаря более интенсивным практикам в высшие страты. Это является свидетельством того, что они в реализации своих практик могли использовать экономический потенциал семьи в удовлетворении определенных потребностей (например, отдыхали на море, в санатории, на курорте за средства детей, поскольку сами не имели возможности оплатить такой отдых из-за низкого уровня личных доходов). Но вместе с тем зафиксировано увеличение доли “нижней страты” почти вдвое во Львове (с 23% до 45%) и на 6% в Донецке (с 25% до 31%) благодаря снижению статуса представителей других страт. Это в основном квалифицированные и неквалифицированные рабочие, служащие из числа вспомогательного персонала и молодежь, которая еще учится в обоих городах, — те, кто при двухкомпонентном подходе относился к “страте 5”, причем во Львове таких 20%, а в Донецке 7% (см. табл. 1). То есть произошло объединение двух низших страт — практики повлияли в качестве унифицирующих и нивелирующих отличий, наблюдающихся при двухкомпонентной конъюнкции.

Снижение статуса представителей “высшей страты” очевидно, поскольку она уменьшила свой “размер” в двух городах. Представители “высшей страты” отмечали в основном инновационные практики (взяли кредит в банке для открытия собственного дела, купили квартиры, купили какую-нибудь недвижимость и т.п.). А ситуация с возвращением кредита или процен-

тов за предоставленный заем приводит к снижению уровня интенсивности других практик; они уже не могут себе позволить нанять работников лично для себя, покупать модные, изысканные товары известных производителей в фирменных магазинах, салонах и т.п. Соответственно интенсивность тех практик уменьшилась, что и привело к понижению статусных позиций в новой социальной иерархии, но в двух городах оно было незначительным, а именно переход в соседние низшие страты — “страту 2” во Львове и еще в “страту 3” в Донецке.

Поскольку, как уже отмечалось, жителям Донецка присуща более высокая по сравнению с львовянами интенсивность социальных практик фактически для всех страт, то в Донецке зафиксировано большее распыление по стратам. Для примера можно рассмотреть донецкую “страту 3”, наполнение которой произошло главным образом за счет представителей всех страт. И если во Львове фактор “практик” привел к “приземлению” стратификационного порядка, существенно расширив его основы и действительно увеличив поляризацию, то в Донецке в результате переклассификации распределение по стратам оказалось более равномерным, имело определенное эгалитизирующее влияние.

Сравним распределение страт по двухкомпонентной и трехкомпонентной конъюнкции в социальном пространстве двух регионов. Согласно определению, интервал числовых значений для всех индексов находится в пределах от 0,2 до 1 (см. табл. 2). В итоге получаем определенную, весьма условную, разумеется, метрику социального пространства с социальной дистанцией между элементами стратификационного порядка.

Для проверки статистической значимости различий средних значений стратификационных индексов между стратами двухкомпонентного стратификационного пространства для Львова и для Донецка проводились расчеты отдельных статистик одномерного дисперсионного анализа. Для этого проведен тест Tamhane’s T2, поскольку предварительно была отброшена гипотеза о равенстве дисперсии для зависимой и независимой переменной (в тесте Levene получена значимая F-статистика на уровне $p < 0,0001$, при 95% доверительной вероятности). Результаты теста Tamhane’s T2 показали высокий уровень значимости различий средних значений стратификационного индекса между разными стратами на уровне $p < 0,0001$, при 95% доверительной вероятности. Соответственно, разница позиций страт, исходя из средних значений стратификационного индекса, в двухкомпонентном стратификационном пространстве двух городов статистически значима.

Для трехкомпонентного стратификационного пространства в случае Львова зафиксированы различия в средних значениях стратификационных индексов, являющихся статистически незначимыми, между “стратой 2” и “стратой 3” ($p = 0,823$, при 95% доверительной вероятности). Однако поскольку они разные по социально-демографическим характеристикам, а в процессе кластеризации образуют различные кластеры, в дальнейшем будем рассматривать их отдельно.

Для проверки статистической значимости различий средних значений стратификационных индексов между двухкомпонентной и трехкомпонентной структурой проводился t -тест для спаренных выборок. Результаты показали высокую значимость различий ($p < 0,0001$, при 95% доверительной вероятности) средних значений стратификационных индексов между двух-

компонентным и трехкомпонентным стратификационными пространствами как для Львова, так и для Донецка. Соответственно, выводы в отношении различий протяженности двухкомпонентного и трехкомпонентного пространств статистически обоснованны.

Таблица 2

**Средние значения стратификационных индексов
при двухкомпонентной и трехкомпонентной конъюнкции**

СТРАТЫ	Львов		Донецк	
	Доля страты	Среднее значение стратификационного индекса	Доля страты	Среднее значение стратификационного индекса
<i>Двухкомпонентная конъюнкция</i>				
Высшая страта	4	0,78	7	0,77
Страта 2	9	0,71	13	0,62
Страта 3	22	0,61	6	0,60
Страта 4	16	0,51	14	0,59
Страта 5	26	0,49	25	0,51
низшая страта	23	0,38	35	0,41
<i>Трехкомпонентная конъюнкция</i>				
Высшая страта	1	0,81	3	0,80
Страта 2	19	0,66	15	0,68
Страта 3	8	0,65	20	0,63
Страта 4	27	0,55	23	0,53
Низшая страта	45	0,44	39	0,45

Подытожу то, что произошло при переходе к трехкомпонентной конъюнкции для двух городов, фиксируя общие и отличительные тенденции. Речь, собственно, идет о некоторых эффектах, возникающих в результате усложнения методического инструментария, или, иными словами, вследствие увеличения, так сказать, многомерности анализа:

- в обоих городах с шести до пяти страт уменьшилась “размерность” стратификационного порядка, то есть социальное пространство теперь стало менее дифференцированным, а значение индекса увеличилось для “высшей” и “низшей” страт — стратификационный порядок как будто “повысился”;
- увеличение значения индекса “высшей страты” (с 0,78 до 0,81) во Львове сопровождалось также увеличением дистанции, отделяющей ее от “страты 2–3” (с 0,07 до 0,15), и превысило значение индекса для Донецка (увеличение с 0,77 до 0,80 на фоне уменьшения дистанции с 0,15 до 0,12). То есть фактор практик уравнивал рассматриваемую страту обоих городов по признаку дистанцирования от “страты 2”;
- во Львове при двухкомпонентной конъюнкции самая короткая дистанция была между стратами 4 и 5 (в Донецке — между стратами 2 и 3), тогда как при трехкомпонентной — между стратами 2 и 3. Иначе

говоря, практики здесь как бы разводят вершину стратификационного порядка и его основание. В Донецке наоборот дистанция между “стратами 2, 3, 4” увеличилась, то есть именно практики здесь дифференцировали страты.

Таким образом, инкорпорирование практик в исследование стратификационных порядков имеет три важных итога. Прежде всего, происходит объединение структурного подхода с подходом, основанным на социологии культуры, поскольку и теория практик, согласно тезису А.Реквица, является разновидностью культуральной социологии, а сами практики в значительной мере обусловлены культурой. Макросоциологический (позиции и диспозиции) подход дополняется микросоциологическим, когда в фокусе внимания оказываются повседневные действия и поведение индивидов. И наконец, практики толкуются как стратообразующие факторы, что завершает конституирование комплексной конъюнкции “позиции & диспозиции & практики”.

Литература

Бевзенко Л. Стили жизни переходного общества / Бевзенко Л. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 2008. — 144 с.

Бокок Р. Потребление и стиль жизни / Р. Бокок // Кравченко А.И. Социология : хрестоматия для вузов. — М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2002. — 736 с.

Волков В.В. О концепции практик в социальных науках / В.В. Волков // Социологические исследования. — 1997. — № 6. — С. 9–23.

Волков В.В. Теория практик / В. Волков, О. Хархордин. — СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. — 298 с.

Гантер Б. Типы потребителей: введение в психографику / Б. Гантер, А. Фернхам ; пер. с англ. ; под ред. И.В. Андреевой. — СПб. : Питер, 2001. — 299 с.

Глухих А.Ю. Социология потребления в контексте акционистской парадигмы [Электронный ресурс] / А.Ю. Глухих // Экономическая социология. — 2007. — Т. 8, № 2. — Режим доступа к журн. : <http://ecsoc.msses.ru>.

Глухих А.Ю. Социокультурные механизмы формирования презентации (в контексте концепции стиля жизни) [Электронный ресурс] / А.Ю. Глухих. — Режим доступа: <http://maiskoechtivo.pstu.ru/2006/1/1.htm>.

Заславская Т.И. Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса / Т.И. Заславская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. ВЦИОМ. — 2000. — № 6. — С. 13–18.

Злобіна О. Особистість як суб'єкт соціальних змін / Злобіна О. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2004. — 400 с.

Паніна Н. Молодь України: структура цінностей, соціальне самопочуття та морально-психологічний стан за умов тотальної аномії / Н. Паніна // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2001. — № 1. — С. 5–26.

Пишняк А.И. Психографика: к описанию стилей жизни россиян [Электронный ресурс] / А.И. Пишняк // Социологический журнал. — 2005. — № 4. — Режим доступа к журн. : <http://www.sj.obliq.ru/author/480>.

Радаев В.В. Обычные и инновационные практики в деятельности российского среднего класса / В. Радаев // Мир России. — 2003. — № 4. — С. 89–117.

Резнік О. Нові стилі життя як джерело латентної легітимації ринкового суспільства / О. Резнік // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2006. — № 1. — С. 190–191.

Рощина Я.М. Дифференциация стилей жизни россиян в поле досуга [Электронный ресурс] / Я.М. Рощина // Экономическая социология. — 2007. — Т. 8, № 4. — Режим доступа к журн. : http://www.ecsoc.mses.ru/data/742/587/1234/ecsoc_t8_n4.pdf.

Социология вещей : сб. статей / под ред. В. Вахштайна. — М. : Издат. дом “Территория будущего”, 2006. — 392 с.

Стиль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы / Ануфриева Р.М., Головаха Н.И., Донченко Е.А. [и др.]. — К. : Наук. думка, 1982. — 372 с.

Andreas Reckwitz. “Toward a Theory of Social Practices: A Development in Culturalist Theorising” / Andreas Reckwitz // European Journal of Social Theory. — 2002. — Vol. 5(2). — P. 243–263.

Anne Warfield Rawls. “Durkheim’s Treatment of Practice. Concrete Practice vs Representations as the Foundation of Reason” / Anne Warfield Rawls // Journal of Classical Sociology. — 2001. — Vol. 1(1). — P. 33–68.

Berard T.J. Rethinking Practices and Structures / T.J. Berard // Philosophy of the Social Sciences. — 2005. — Vol. 35, № 2. — P. 196–230.

Collins R. Situated stratification: A micro-macro theory of inequality / R. Collins // Sociological Theory. — 2000. — Vol. 18 (1). — P. 17–43.

Ganzeboom H.B. Life-Style Differentiation in Five Countries / H.B. Ganzeboom, G. Kraaykamp // Social Correlates and Social Consequence of Social Stratification. — Prague, 1989.

Hans-Joachim Schubert. “The Foundation of Pragmatic Sociology. Charles Horton Cooley and George Herbert Mead” / Hans-Joachim Schubert // Journal of Classical Sociology. — 2006. — Vol. 6 (1). — P. 51–74.

Ilana Friedrich Silber. “Pragmatic sociology as cultural sociology. Beyond Repertoire Theory?” / Ilana Friedrich Silber // European Journal of Social Theory. — 2003. — Vol. 6 (4). — P. 427–449.

Kirchberg V. Cultural Consumption Analysis: Beyond Structure and Agency / V. Kirchberg // Cultural Sociology. — 2007. — Vol. 1, № 1. — P. 115–135.

Schatzki T. Social practices: A Wittgensteinian approach to human activity and the social / Schatzki T. — N. Y. : Cambridge University Press, 1996.; див. також *Schatzki T.* Practices and actions: A Wittgensteinian critique of Bourdieu and Giddens / T. Schatzki // Philosophy of the Social Sciences. — 1997. — Vol. 27. — P. 283–308.

Theodore R. Schatzki A New Societist Social Ontology // Philosophy of the Social Sciences. — 2003. — Vol. 33, № 2. — P. 174–202.